

СЕМИНАР В БАРСЕЛОНЕ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛЕКЦИИ ФРЕЙДА «DIE WEGE DER SYMPTOMBILDUNG»

ЖАК-АЛЕН МИЛЛЕР

(с участием Р.КАЗАЛЬПРИМ, Л.Д'АНДЖЕЛО,
В.ПАЛОМЕРА и Х.САЛИНАСА)

Часть I

Целью настоящего семинара является создание некоего механизма – что-то вроде той переводной стрелки, с помощью которой распределяются подвижные составы на железнодорожных путях. Механизм этот мог бы послужить нам для решения целого ряда задач. Во-первых, он позволил бы должным образом разграничить и связать между собою отдельные части наследия Фрейда. Во-вторых, он позволил бы разграничить и связать между собою все построения, выработанные в процессе эволюции лакановского учения. В-третьих, наконец, он позволил бы разграничить и связать между собою фрейдовское и лакановское наследие.

Механизм этот необходим нам также и для того, чтобы дать какие-то ориентиры для ознакомления с той работой, которая была проделана школой Фрейдовского поля в этом году. Другими словами, чтобы сориентировать нас, но в то же время в известной степени дезориентировать. Ведь для того, чтобы в вопросе о субъекте анализа сориентироваться, необходимо одновременно в какой-то мере ориентацию утратить, то есть не идти к решению вопроса проторенными путями. Немного заблудиться иногда бывает очень даже полезно.

Двучлен «смысл-наслаждение» (sens-jouissance)

Выбор лекции XXIII *Введения в психоанализ* в качестве опорного текста выглядит достаточно случайным. Тем не менее, мы имеем здесь дело с основополагающим моментом как фрейдовского наследия, так и лакановского учения. Выступавшая передо мной Лусиа Д'Анджело уже обратила ваше внимание на огромную значимость того выявленного Лаканом двучлена, который образуют между собою лекции XVII и XXIII.

В главе XVII, носящей заглавие «*Смысл симптомов*», речь идет о смысле. На первый взгляд, это лежит на поверхности – ведь Фрейд так прямо и говорит: «*der Sinn der Symptome*», но увидеть то, что лежит на поверхности, не так-то просто – здесь перед нами своего рода эффект «похищенного письма». В главе XXIII, «*Пути образования симптомов*», речь идет о либидо, о «*Befriedigung*», об удовлетворении, о наслаждении. Именно так движется мысль Фрейда во втором цикле его лекций: от смысла симптома к наслаждению им. И то же движение, – которое нетрудно заметить даже в популяризаторских лекциях Фрейда, прочитанных для широкой, не состоящей из профессиональных аналитиков, публики, – обнаруживаем мы в развитии учения Жака Лакана. Двучлен, о котором мы говорили, упорядочен, ориентирован, векторизован в направлении от смысла к наслаждению.

Первым, на что я в этом зале обратил внимание, было то, что аудитория обращена к кафедре с двух сторон, располагаясь как напротив лектора, так и слева от него. В данном случае это, по-моему, как раз самое подходящее место: говоря, все время приходится переводить взгляд то туда, то сюда. То же самое происходит и с лекциями XVII и XXIII, где при рассмотрении симптома внимание наше уделяется смыслу и наслаждению поочередно. Это и есть основа наших построений – простой и прочный их фундамент. В лекции, прочитанной Лаканом в Женеве, долгое время остававшейся неизвестной, пока годы спустя один человек не принес мне для публикации ее запись, по этому поводу есть очень существенное замечание, хотя и высказанное мимоходом. Направленный двучлен, о котором я говорю, концентрирует в себе центральные темы его учения – те самые, о которых шла речь в прежнем моем курсе «*От симптома к фантазии*».

Пять лакановских операций: обособление...

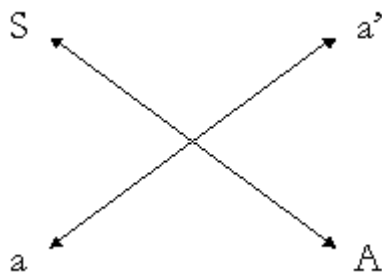
Каким образом сочетаются в психоанализе смысл и наслаждение? Предполагая, – прежде чем мне доведется весьма необычным способом убедиться в этом, – что вы читаете Лакана больше, чем Фрейда, я, пожалуй,

вначале поговорю о Лакане. Ну, а, говоря серьезно, уж коли мы решили кое-как разобраться с концепциями и матемами Лакана, ввиду их строгости и объяснительной силы, мне показалось, что подойти к фрейдовской проблематике лучше всего, отправляясь именно от Лакана. Поэтому дальнейшее изложение я предварю кратким очерком основных структурных моментов его теории.

В работе, послужившей отправной точкой лакановского учения, «*Функция и поле речи и языка*», указывается, конструируется, акцентируется в практике психоанализа именно смысл – смысл в бессознательном, смысл в симптоме. Лакан настаивает на следующем:

- смысл, если можно так выразиться, имеет смысл исключительно в языке и выявляется в нем посредством означающего;
- смысл предполагает в основе своей функцию речи, то есть речи, которая дает смысл, речи наполненной; если речь не дает смысла, смысла «истинного», то эта речь пуста, – именно в этом и состоит критерий различия полноты и пустоты;
- главная, определяющая ось исследуемых Фрейдом аналитических феноменов – ось Символического;
- Воображаемое подчинено Символическому;
- Реальное является (воспользуемся здесь встречающимся во фрейдовском «*Введении...*» термином) предварительным условием введения Символического в человеческую жизнь и психическую реальность;
- Реальное предоставляет для деятельности символа поры, отверстия, дыры, и этой деятельностью негативизируется, отрицается.

Таково первое построение Лакана, и оно выливается в схему, которую я часто рисовал вам на доске, – Лакан обозначает ее буквой L, первой буквой своей фамилии, но на самом деле в ее основе лежит X, противопостав-

ляющий друг другу Символическое и Воображаемое.

Смысл, если мы расположим его в месте его возникновения, находится на оси Символического. Там, где есть смысл, необходимы символ, означающее и, к тому же, Другой – в качестве собеседника или в качестве того места, которое занимает структура языка. В открываемой символической осью перспективе семантическое намерение, желание высказаться, встречается с этой структурой, которая в результате этой встречи дает свое оформление возникающему сообщению.

Этой оси противостоит воображаемая пара $a - a'$, которая ведет свое происхождение от стадии зеркала. Идея этой стадии опирается на более раннюю, по сравнению с «Введением...», работу Фрейда «О нарциссизме». Лакан полагает, что фрейдовское либидо, будучи в сущности своей нарциссическим, циркулирует по оси Воображаемого. Другими словами, либидо располагается в нарциссизме. Между a и a' имеется либидо, *Befriedigung*, то, что мы зовем наслаждением. Поэтому ось Воображаемого является у Лакана одновременно и осью влечения.

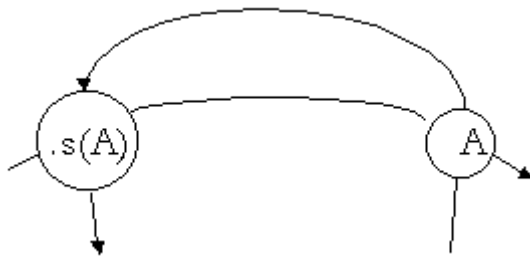
Итак, Лакан входит в психоанализ, вооруженный бинарной моделью, в которой смысл противопоставляется наслаждению. Поэтому первую операцию Лакана, которую и мы вслед за ним до сих пор проделываем, я бы описал следующим образом: речь идет о том, чтобы отделить, обособить, расчленить: здесь Воображаемое – там Символическое. При этом вслед за Лаканом будем ориентироваться на движение от Воображаемого – к Символическому, что предполагает по отношению к Воображаемому (и, соответственно, к влечению) своего рода презрение, пренебрежение. В первоначальной системе лакановских ориентиров обнаруживается некоторое обесценивание влечения, которое, когда мы говорим о Воображаемом, остается незаметным, но без которого, однако, дело никогда не обходится. Заметно в этой системе и постоянное опасение спутать на практике то и другое – Воображаемое и Символическое. Эта первая из лакановских операций послужила психоанализу великолепным инструментом. Рассматривая случаи Фрейда, Лакан чудесным образом выстраивает их заново, разделяя воды подобно фрейдовскому Моисею. Ни в случаях Фрейда, ни в повседневной практике, ни в теоретических построениях не находится ничего, перед чем инструмент этот оказался бы бессилён.

Каковы же, с этой точки зрения, пути формирования симптомов? В ответе уместнее будет единственное число: по сути дела, это путь символический. В своем инаугурационном тексте («Функция и поле речи и языка в психоанализе») симптом предстает как смысл, – смысл, который оказался вытеснен. Необходимо, разумеется, иметь в виду означающее этого вытесненного смысла, и потому я предпочел бы сказать, что симптом предстает как загадка (X). Носителем симптома, когда он является нам, служит означающее, означаемое которого вытеснено, иными словами – оно не было сообщено Другому или им признано. Симптоматика организуется означающим, заимствующим материал симптома либо у мысли, либо у тела, на одной из частей которого вытесненное означаемое паразитирует.

В этой перспективе путь образования симптомов располагается по оси «субъект – Другой».

... сочленение

Вторая операция Лакана сводится именно к этому. Возвращаясь к оси Символического, он усложняет картину, включая в рассмотрение эффект обратного воздействия. Я не буду развивать эту мысль подробно – лакановский граф вы все знаете. Что такое граф? Это совокупность путей. Со-

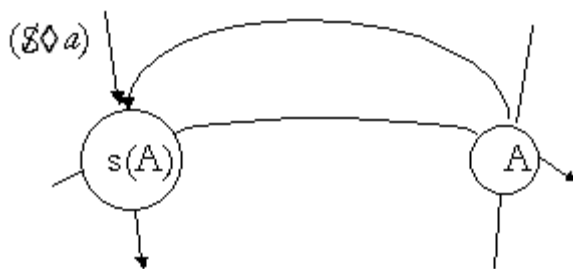
ставленный из векторов, граф Лакана является эквивалентом фрейдовских *Wege*.

Граф этот не оставляет сомнений в том, что симптом для Лакана, будучи последствием означаемого Другого, располагается в $s(A)$ *. И передается этим то самое, что сам Фрейд назвал смыслом симптома – *der Sinn der Symptome*: симптом является неким особым последствием, которое вызывает означаемое Другого. В чем же его особенность состоит? И вот тут-то вопрос несколько усложняется.

* В лакановской алгебре $s(A)$ = значение Другого (сообщение/симптом) – Прим. ред.

На этапе этой, второй, операции уже недостаточно обособления, отделения, расчленения. Речь здесь идет о сочленении смысла и наслаждения. Лакан делает это в графической форме, указывая на схеме место фантазии, принимающей участие в образовании симптома.

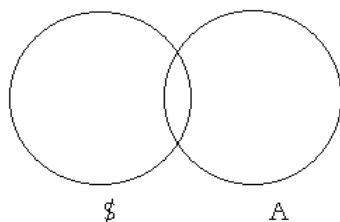
Симптом не является нормальным, обычным смыслом, он не является эффектом обычного *Sinn*, в силу особого типа связи, соединяющей его с фантазией.

В этот момент трудно даже сказать, является ли Лакан фрейдистом или Фрейд – лаканистом. Лекция XXIII служит тому свидетельством. Надо заметить к тому же, что фантазия $(\exists \cdot a)$ выступает итоговым звеном длинного контура, который есть контур либидинозный, причем фигурируют в этом контуре как влечение (в качестве означающей цепочки), так и желание (в качестве означаемого этой означающей цепочки). Обнаруживает Лакан и точку крепления, где влечение и желание соединяются. Одновременно он устанавливает то место, где возникает связь между влечением и кастрацией. Подводя итог, можно сказать, что контур влечений сочленяется с контуром семантическим.

...вывод, выработка и сплетение

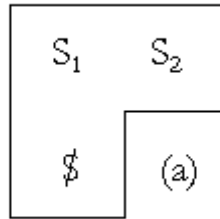
Третья лакановская операция, вслед за обособлением и сочленением, – вывод. Схема отчуждения и отделения, предложенная в Семинаре XI и тексте «Позиция бессознательного», является новой формой символической оси субъект-Другой. Субъект и Другой представлены на ней двумя пересекающимися кругами. Схема эта позволяет вывести наслаждение, ис-

ходя из смысла.

Она показывает, что наслаждение, в форме (a), с необходимостью дополняет эффект смысла. Имеются, прежде всего, означающее и смысл – это и есть то, что Лакан называет отчуждением; кроме того, имеется прибавочное наслаждение – то, что у Лакана именуется отделением.

Четвертая операция – выработка.

На схеме демонстрируется, каким образом, исходя из аппарата смысла, производится прибавочное наслаждение. Перед нами здесь первый из выделенных Лаканом «четырех дискурсов».

Пятая операция – сплетение. Она дает основу для всей перспективы в целом. В этой, гораздо менее артикулированной, менее дифференцированной, по сравнению с другими, зоне речь идет не о чем ином, как о попытке приравнять друг к другу наслаждение и смысл, отождествить их. Это то, что Лакан называет сладостным смыслом (*sens joui*). Порой, однако, речь идет и о том, чтобы смысл и наслаждение радикально друг другу противопоставить. Это зона, где Лакан сделал предметом своего обсуждения отношение между смыслом и наслаждением как таковое, пробуя рассмотреть самые различные его виды.

Таков краткий очерк учения Лакана. Вернемся же теперь к Фрейду.

История, рассказанная в «Vorlesungen»

Альфред Уайтхед, человек, который вместе с Бертраном Расселом создал первый в мире эффективный символический аппарат математической логики, философ в полном смысле слова, сказал однажды, – эту фразу я обожаю, – что вся философия представляет собой не что иное, как комментарий к работам Платона. В том же духе я вполне мог бы заявить, что все учение Лакана представляет собой комментарий к лекциям XVII и XXIII

«Введения в психоанализ». Подобное заявление было бы, конечно, небольшим преувеличением, но ничуть не бóльшим, чем фраза Уайтхеда.

Вы думаете, наверное, что для этих лекций, адресованных непосвященным, не профессиональным аналитикам, то была бы слишком большая честь. Ведь они носят вводный характер и обращены к «наивной» и, как говорит Фрейд, «доброжелательной» публике, а вовсе не к эрудированной аудитории, подобной той, что собралась сейчас здесь. Перед нами работа популяризаторская, а не исследовательская. В лекциях этих есть некое единство, некая непрерывность. Не следует забывать и об обстоятельствах, в которых они были читаны. Происходило это во время Первой Мировой войны, когда Фрейд был, надо сказать, настроен в довольно националистическом духе. Впоследствии у него это пройдет. В письме к Арнольду Цвейгу он пишет, что не стоит слишком безоговорочно идентифицировать себя с немецкой культурой – и действительно, вскоре один из корреспондентов уедет в Париж, другой эмигрирует в Лондон. В самих лекциях мы найдем мало отголосков эпохи, в которую они читались, но одна замечательная история там есть. Чтобы расставить акценты правильно, я вам прочту ее сам – это единственное место в лекциях, имеющее отношение к современным им событиям. Речь идет о том, как немецкие военные времен Первой Мировой войны восприняли идею Эдипова комплекса.

«Послушайте небольшую историю, которая произошла в начале этой войны. Один из самых рьяных сторонников психоанализа, – возможно, речь идет об Абрахаме, – мобилизованный в армию и служивший в качестве военного врача где-то в Польше, на немецком фронте, привлекает внимание коллег неожиданным успехом, достигнутым в лечении одного больного. В ответ на расспросы он признается, что пользуется методами психоанализа, и вызывается, куда идет война, поделиться своими знаниями с коллегами. И вот, врачи его корпуса, коллеги и начальство вместе, собираются каждый вечер, чтобы выслушивать от него эзотерические учения психоанализа. Какое-то время все шло хорошо, но стоило ему завести перед своей аудиторией речь об Эдипове комплексе, как один из начальников встал и заявил, что не верит ему, что рассказывать такие вещи мужественным людям, сражающимся за свое отечество, да еще отцам семейств, со стороны лектора просто неприлично, и что продолжение лекций он запрещает. Этим все дело и кончилось, а аналитик подал рапорт о переводе его на другой участок фронта. Я думаю, однако, что если торжество Германии

нуждается в организации науки на подобный манер, немецкой науке это на пользу не пойдет».

В каком-то смысле здесь уже подразумевается, что если победа Германии предполагает умолчание об Эдипе, то он, Фрейд, предпочел бы психоанализ победе Германии. Я говорю это, чтобы воссоздать атмосферу этих лекций.

Все это, казалось бы, может вызвать у нас к этим лекциям пренебрежительное отношение. Дело, однако, обстоит иначе. Долго размышляя над этим фактом, я пришел к выводу, что упрощение, к которому Фрейд себя здесь обязывает (без таких упрощений, кстати, и в любом семинаре не обойтись), как и поспешность его теоретических объяснений, как раз и обнаруживают в конечном итоге самый костяк его теории, главные ее черты. Ведь изложение требует не только сжатости, но и непрерывности, и задача эта, когда необходимо прочесть последовательный цикл из десяти-пятнадцати лекций, ставит вопрос о сочленении различных тем между собою – вопрос, который не возникает, когда темы разрабатываются пусть более глубоко, но независимо друг от друга. Упрощение имеет свои преимущества – приходится увязывать друг с другом темы, которые в противном случае изучались бы по отдельности.

Маршрут Фрейда

Что предпринимает Фрейд? Предшествующая шестнадцатая лекция открывает – о чем в ней упоминается – второй годичный лекционный цикл. В течение первого года он рассказывал о сновидениях и ошибочных действиях, насколько эти последние поддаются истолкованию, рассказывал публике, которая знала об этих явлениях на основании собственного опыта. Источником этого первого цикла послужили работы, ознаменовавшие собой открытие психоанализа: «Толкование сновидений» и «Психопатология обыденной жизни» (работа «Остроумие и его отношение к бессознательному» занимает несколько особое место). Во втором цикле лекций, которым мы в данный момент и занимаемся, он обращается к невротическим симптомам, неврозам переноса, как он их тогда называл, истерии страха, конверсионной истерии, неврозу навязчивых состояний. Как говорит сам Фрейд, речь теперь идет не о введении в психоанализ, а о психоанализе как таковом. Предполагается, что слушатели, которые профессиональными аналитиками не являются, с теми серьезными невротическими симптомами, о которых здесь говорится, на своем опыте не сталкивались.

Лекция XVII, «Смысл симптомов», представляющая собой, по сути дела, введение в новый цикл, исходит из содержания предшествующего цикла. Это – применение к симптомам того, что прежде говорилось о сновидениях и ошибочных действиях. Можно убедиться в том, доказывает Фрейд, что симптомы подобны сновидениям и ошибочным действиям, – они имеют смысл, который может быть интерпретирован. Коль скоро эта мысль становится общеизвестной, то ее стоит поставить под вопрос, что, в конечном итоге, и делает Лакан. Итак, начав с доказательства смысла симптомов, Фрейд приходит к лекции XXIII, «Пути образования симптомов». Чему же посвящены лекции промежуточные?

Вот их названия: XVIII – «Фиксация на травме. Бессознательное», XIX – «Сопrotивление и вытеснение», XX – «Сексуальная жизнь человека», XXI – «Развитие либидо и сексуальная организация», XXII – «Представление о развитии и регрессии» и, наконец, лекция XXIII. Лекция XXI представляет собой, как убедительно показал Стрэчи, краткое изложение «Трех очерков по теории сексуальности».

Что находим мы в этих промежуточных лекциях, перекидывающих своего рода мост от лекции XVII к лекции XXIII? Фрейд вводит здесь слушателя в проблематику влечения, либидо, сексуальности, и в том числе сексуальности извращенной, ибо, как отмечала здесь Лусиа, сексуальность связана не столько с нормами, сколько с перверсиями. Так о чем же идет здесь речь? В интереснейшей части «Введения», включающей лекции XVII-XXIII, Фрейд пытается увязать между собой две стороны, два главных направления своей работы:

– открытие бессознательного; явлений, допускающих истолкование; открытие того, что явления, которые прежде заведомо исключались из рассмотрения как бессмысленные, могут быть истолкованы; бессознательное, определяемое через интерпретацию;

– открытие детской сексуальности и извращенного характера сексуальности, сделанные в 1905 году.

Это и есть две главные оси учения Фрейда, и в лекциях этих мы становимся свидетелями его усилий как-то соединить их друг с другом. На мой взгляд, хотя это спорно, речь здесь идет не столько о сочленении, выводе или выработке, сколько о простом их соположении.

Регрессия и вытеснение

Все лакановские операции вытекают из той лакуны, которую усилия Фрейда связать между собой две упомянутые выше стороны оказались неспособны заполнить. Это лишь мое истолкование, но оно отнюдь не кажется мне натянутым, ибо в лекции XXII Фрейд настойчиво предупреждает нас, что «не следует путать регрессию и вытеснение», – по-немецки, как указывает в примечании Стрэчи, вытеснение (*Verdrängung*) и регрессия омофонами не являются. «Вытеснение не имеет с сексуальностью ничего общего, прошу вас об этом помнить», – говорит Фрейд далее. А это значит, что вытеснение, которое связано у Фрейда с семантическими явлениями (есть что-то, что не позволяет себя высказать, что не удастся высказать, потому что налицо вытеснение), он четко отделяет от регистра сексуальности. Я не знаю, кажется ли вам мое прочтение натяжкой, но для меня, когда я нашел в тексте подобное доказательство, это показалось настоящим чудом.

В лекции XXIII Фрейд пытается дать понятийное оформление тому, что было им предпринято. Он указывает, что послужило для него в клиническом опыте отправным пунктом, – это истерия, то есть заболевание, где фактор регрессии либидо наименее очевиден. В истерии есть, правда, регрессия к первичным объектам либидо – например, либидо, привязанное к отцу, имеющее также место и в примере предполагаемого невроза навязчивых состояний, о котором речь пойдет ниже. Но зато в истерии нет ничего похожего на то, что в неврозе навязчивых состояний выступает совершенно явно, нет регрессии к более раннему этапу сексуальной организации, нет фиксации на наслаждении, присущей более ранним стадиям, и в первую очередь стадии анально-садистской. Главную роль в механизме истерии играет вытеснение, а не регрессия.

Тем самым предполагается, что мы различаем два типа регрессии: регрессию к первичным объектам и регрессию к ранним этапам развития. Фрейд утверждает, что поскольку регрессия либидо к ранним этапам развития в истерии не имеет места, объяснение свое она получила позже, чем вытеснение. Совсем другую картину видим мы в неврозе навязчивых состояний, где регрессия к ранним стадиям, в особенности к стадии анально-садистской, поддается наблюдению. Преимущество же невроза навязчивых состояний в том, что он использует как регрессию, так и вытеснение, то есть представляет собой невроз более богатый и более сложный, чем исте-

рия. Время от времени следует воздавать обсессивному неврозу подобающую ему честь.

Внутреннее препятствие

Как уже указала Лусиа, данный период является в творчестве Фрейда центральным. Впоследствии, в 20-х годах, произойдет разделение личности на три инстанции – «Я», «Оно» и «Сверх-Я». Чему соответствует это принятое во второй топике деление?

Опираясь на лекции «*Введения...*», ответ на этот вопрос дать нетрудно. Вытеснение – это то, что противостоит выговариванию, или, выражаясь в терминах, Фрейду более свойственных, – то, что не позволяет представлениям достичь сознания. Вопрос, которым он постоянно задается во «*Введениях...*», состоит в следующем: а что же, собственно, противостоит сексуальности? Что мешает ее, сексуальности, полному развитию? Что заставляет либидо регрессировать к ранним стадиям развития? Что это за сила? В чем состоит препятствие? И во «*Введениях...*» дается на эти вопросы ответ. Препятствие, барьер – это отчасти внешняя реальность, которая не приспособляется к развитию влечений, противопоставляющему ей то, что Фрейд называет *Versagung*. Противопоставление принципу удовольствия принципу реальности способно данное явление объяснить – если «реальность» понимать в смысле реальности внешней. Однако в этом же тексте Фрейд признает, что полному сексуальному развитию есть и *внутреннее* препятствие: наряду с вытеснением, свое «да» и «нет» говорят сексуальным влечениям и влечения, исходящие от Я. Тем самым Фрейд представляет нам Я, обладающее законами, «*mit den Gesetzen*». Исходя именно из этого, Фрейд изобретает *Сверх-Я*.

Во «*Введениях...*» перед нами кухня, на которой это Сверх-Я готовится. В постановке проблемы Фрейд отправляется от параллелизма. На уровне смысла в качестве препятствия выступает вытеснение. Что соответствует ему на уровне либидо? Проблема предполагает, таким образом, своего рода дуализм бессознательного и либидо: то, что годится на уровне бессознательного, не работает на уровне либидо. Отсюда берет свои истоки вторая топика.

Но здесь вступает в спор и Лакан, утверждая, что вытеснение имеет к либидо непосредственное отношение. Тому, чтобы «все высказать», противостоит то же самое, что противостоит полной реализации сексуальности. Тем самым, Лакан преодолевает обнаруженное Фрейдом препятствие

– препятствие, которым и обусловлено, к примеру, противопоставление вытеснения и регрессии. На третьем этапе разработки лакановского учения это делается очевидным: именно из языка выводит он частичный характер влечений. Именно из погруженности человеческого бытия в язык считает он возможным вывести приобретение влечениями частичного характера. Фрейд это явление никогда в подобных выражениях не описывал, но подходил к нему как к чему-то автономному, не имеющему отношения к логике образования бессознательного путем вытеснения.

«Sinn» и «Bedeutung»

Вернемся к лекции XVII, «*Der Sinn der Symptome*», на которую ссылается Лакан в Женеве. Он замечает, что *Sinn* и *Bedeutung* отнюдь не одно и то же. Термины эти вы знаете, они фигурируют в названии знаменитой статьи Фрейда «*Sinn und Bedeutung*». Лакан эти термины четко разграничивает: «*Sinn*» представляет собой эффект смысла, то, что получает свое определение от означаемого, «*Bedeutung*» связано с отношением к Реальному. Трудность перевода этого второго термина на романские языки связана с тем, что он обнимает одновременно «значение» и «референцию».

Я воспользовался этой терминологией, чтобы дать различию между этими двумя лекциями, XVII и XXIII, свое прочтение. Первая из них так и называется: «*Der Sinn*». Вторая, носящая в издании заглавие «*Пути формирования симптомов*», на самом деле как раз и имеет своей темой «*Die Bedeutung der Symptome*». В этой лекции Фрейд показывает, что референтом симптома является фантазия, что именно с ней должно быть связано Реальное, задействованное в симптоме. Он не отождествляет Реальное и фантазию – в лекции XXIII фантазия предстает, скорее, как необходимая завеса, за которой и кроется то, что действительно является Реальным, то есть фиксация.

Клинические случаи

Здесь мы последуем за Фрейдом, который в лекции XVII описывает два случая, квалифицируемые им как случаи невроза навязчивых состояний. Затем обратимся к главе XXIII, которая, как полагает Фрейд, посвящена исключительно истерическим симптомам и регрессии в истерических симптомах, поскольку, как он объясняет, в неврозах навязчивых состояний дополнительным фактором является также контр-инвестиция. Я хотел бы

развить эту тему сегодня, но за нехваткой времени мы вернемся к ней завтра.

В главе XVII Фрейд представляет нам два симптома невроза навязчивых состояний, но мы все согласны, что речь идет о двух фрагментах случая истерии. В первом из них фигурирует женщина, навязчивые действия которой призваны оправдать страдающего импотенцией мужа. Во втором рассматривается церемониал отхода ко сну, представляющий собой, в конечном счете, инсценировку факта невозможности сексуальных отношений; причем, подоплекой сценария является либидинозная привязанность к отцу – точно так же, как и в первом случае, где муж является заместителем любви к отцу. В обоих случаях Фрейд характеризует симптом как симптом навязчивых состояний, в силу того, что действия больных носят характер принуждения, *Zwang*. Странно, что он выбрал именно эти случаи. Я думаю, что он сделал это просто потому, что обращался к аудитории, с практикой не связанной, а симптомы здесь как раз особенно очевидны...

Лусиа Д'Анджело: Фрейд говорит: «... экстравагантны».

Ж.-Л.Миллер: Да, экстравагантны. Он выбрал их потому, что они имеют явно сексуальный смысл, и еще потому, что объясняются посредством «*Bedeutung*», через отсылку к предшествующему опыту. Сцена, которую разыгрывает первая женщина, представляет собой повторение и корректировку более раннего события, явившегося для нее травмой. С помощью этих примеров Фрейд связывает смысл и либидо. *Bedeutung* представляет собой более раннее переживание.

С этого и начинается он лекцию о травме, о бессознательном, полагая в основу тот принцип, что за каждым невротическим симптомом скрывается травма. Всякий невроз обязательно предполагает, по его убеждению, такого рода фиксацию.

Более того, он вводит еще один принцип, согласно которому смысл симптомов самому пациенту всегда неизвестен. Это приводит Фрейда к еще более сильному утверждению: «Чтобы симптом образовался, необходимо, чтобы симптом этот был бессознательным». Другими словами, сознательные процессы симптомов не порождают. Это положение впоследствии наведет Лакана на мысль, что именно смысл подвергается вытеснению в симптоме (в его первой системе взглядов).

Что задержано в симптоме

В этом тексте еще сохраняются элементы интерпретативного оптимизма Фрейда. Он повторяет, в качестве принципиального вывода, что «симптом исчезает, когда смысл его удастся сделать сознательным. Симптомы исчезают с того момента, как становится известен их смысл». В каком-то отношении экономический фактор либидо еще не был осмыслен Фрейдом. Было бы интересно проследить, как Фрейд этот вывод делает, и что впоследствии заставляет его сказать: «Но это не совсем так...». Принцип превосходит, но симптомы этого не знают...

Он ищет экономическое объяснение, однако, в конечном счете, вводит симптом посредством динамики: имеется нечто такое, что не позволяет смыслу проникнуть в сознание. Исходя из этого, в главе XIX Фрейд и изучает бессознательное сопротивление – парадокс, заключающийся в том, что пациенты, страдая от своих симптомов, судя по всему, не проявляют особого рвения от них избавиться. Это позволяет Фрейдю указать на бессознательность, «*Unbewusstheit*», в качестве условия симптома, который расцветает лишь на почве бессознательного. Иными словами, имеется смысл, желающий себя выразить; сделать это ему не удастся, и в результате появляется симптом, что и позволяет Фрейдю сказать: «Образование симптомов представляет собой замену чего-то другого, что было задержано».

Слово «задержано» имеет фундаментальное значение. Пожалуй, именно оно вдохновило Лакана на разработку его первой схемы: желания высказаться, задержанное чем-то другим. Фрейд настолько доволен найденной формулировкой, что ее повторяет: «Замена того, что было задержано».

Для Фрейда это то самое, что позволяет ему дать образованию сновидения и образованию невротического симптома единое объяснение. Но, несмотря на эту общность между сновидением и симптомом, общность, служащую основанием для включения симптома в психоаналитическую практику, Фрейд в то же время повторяет в этих лекциях, что симптом – не сновидение. Вытеснение, главная движущая сила сновидения, для образования симптома – лишь предварительное условие. Только симптом вводит нас в самые интимные области сексуальной жизни. Следует отдавать себе отчет в том, что это и есть тот выигрыш, который, в отличие от сновидения, достается невроту при формировании симптомов. В своих лекциях Фрейд постоянно сосредоточивает внимание на теме «*Traumbildung*», или

«*Traumarbeit*», – образования сновидения, или работе сновидения. В то же время для его понимания становится ясным существование в симптоме дополнительного элемента: сновидения не пребывают в качестве некоей постоянной субъективной непрозрачной области, которая постепенно изменяет тело, если признать расширенный аутоэротизм, о котором говорит Фрейд. Главное различие между сновидениями и симптомами, которое Фрейд выдвигает на передний план, состоит в том, что «симптомы всегда служат одной и той же цели – сексуальному удовлетворению». Фрейд не задается вопросом о том, зачем симптом нужен, – он всегда нужен для одного и того же: сексуального удовлетворения, или чтобы послужить заменителем удовлетворения, которого не хватает в жизни. Именно здесь он говорит о фрустрации. Я уже обращал внимание на элемент «говорить нет»: «*Versagung*»^{*} – это уже высказывание.

Определение симптома как средства наслаждения лежит у Фрейда на поверхности. При этом, безусловно, нельзя забывать, что симптом носит характер компромиссного образования, то есть связывает наслаждение и защиту.

Либи́до как означаемое

Фрейд обнаружил, что вся суть симптома в том, чтобы получить удовлетворение, одновременно от него защищаясь. Лакан сделает отсюда вывод, что между наслаждением и защитой существует связь: в наслаждении всегда имеется нечто избыточное, что вынуждает субъекта защищать себя от того самого наслаждения, которого он ищет. Лакан опишет эту связь, противопоставив наслаждение языку, означающему, которое ставит это наслаждение под знак отрицания. Вытесняющим началом оказывается сам язык как таковой. Имя Отца – вот что такое язык. Остается, однако, прибавочное, избыточное наслаждение, выигрыш в удовольствии, *Lustgewinn*. Все, что говорит Фрейд в промежутке между лекциями XVII и XXIII, подводит нас к одному вопросу: как люди заболевают? Фрейд ставит эту проблему уже в лекции XVII, утверждая, что барьером, препятствием служит не только реальность. Испытывая фрустрацию, либи́до отступает и ищет иные способы удовлетворения, но в этот-то момент и возникает внутреннее вето, что-то внутри, что говорит «нет». И Фрейд спрашивает себя: ка-

^{*} *Versagung* – отказ, отклонение (просьбы), неудача, фрустрация (нем.) – Прим. ред.

кая же власть накладывает вето на либидинозные устремления? Отсюда и начинается путь к теоретическим построениям 20-х годов.

Мы видим, что фрейдовское либидо наталкивается в реальности на «*Versagung*», определенного рода «нет», как и в *Я* наталкивается на некое вето. Эти отказы или запреты всегда находят свое означающее. Совершенно ясно, что в лекциях «*Введения...*» есть множество моментов, позволяющих рассматривать либидо как эквивалент означаемого. Очевидно, что либидинозное противостояние эквивалентно семантическому вытеснению. Говоря, например, о пластичности сексуальных влечений, способных перетекать одно в другое, как жидкость в системе сообщающихся сосудов, прослеживая обходные пути, которыми идет либидо, наталкивающееся на запрет, Фрейд показывает, что либидо способно на замещение и смещение, другими словами – метафору и метонимию. Именно отсюда выросли лакановские графы – графы, в которых ему удалось представить в единой концептуальной форме контур речи, с одной стороны, и контур либидо, с другой.

Все усилия Лакана, направленные на сочленение, вывод, производство, лежат в обеих этих плоскостях и ориентированы на пути, ведущие в направлении от смысла к тому, что лежит по ту его сторону. Само учение о процедуре «прохода» содержит в себе идею пути. Во-первых, имеется субъект, который предполагается знающим, то есть налицо эффект значения – субъект, предполагаемый знающим (SsS), находится на стороне «*Sinn*». Отсюда субъект перемещается по направлению к «*Bedeutung*», к фантазии, через которую он, как предполагается, в дальнейшем проходит.

Пятая операция знаменует собой попытку мыслить иначе – уже не в терминах путей и направлений. Она демонстрирует, как говорит Лакан в *Семинаре XVII*, сродство истины и наслаждения. Как смысл, так и наслаждение, коренятся в бессилии. Он заводит речь о «сладостном смысле» лишь потому, что сам же ставит под вопрос «объект *a*». Он прямо говорит об этом в *Семинаре XX*, «*Encore*» («*Еще*»). Объект *a* есть всего лишь проработанная часть наслаждения, фантазийная или семантическая его часть, – часть наслаждения, вплетенная уже в фантазию.

Объект *a* – это ложное Реальное.

Обсуждение

Давайте на эту тему немножко поговорим. Мне хотелось бы узнать мнение г-жи Касальприм.

Р.Касальприм: Что касается Вашего подхода в целом, то я проделала тот же путь, когда, следуя главе XXII, проводила различие между вытеснением и регрессией.

Ж.-А.Миллер: Когда в стремлении Фрейда провести различие между вытеснением и регрессией усматривают свидетельство того, что артикулировать оба эти явления, обнаруженные им параллельно, он не способен, и потому оказывается вынужден выстроить свою собственную топографию, то мне это представляется некоторой натяжкой.

Р.Касальприм: При чтении этих текстов у меня возник следующий вопрос. В лекции XXIII вы затронули тему истерического невроза, а в конце этой же главы – проблему контр-инвестиций. Фрейд достаточно ясно показал, по-моему, что в истерическом неврозе фантазия детерминирует симптом, но я спросила себя: а где кроется фантазия в неврозе навязчивости? С другой стороны, случай Человека-Волка и проблема детского невроза навели меня еще на один вопрос: допустим, что истерический невроз что-то разрешает в отношении к бисексуальности – что происходит тогда с фантазией в неврозе навязчивости?

Ж.-А.Миллер: Симптом навязчивости Фрейд оставляет в стороне. Почему? Глава XXIII приложима, похоже, ко всем невротикам вообще. И это показывает, насколько Фрейд, когда речь идет о неврозе навязчивости, оказывается проницателен. Ответ можно найти в работе «Торможение, симптомы и тревога». У истерического субъекта есть «честный» симптом, и он «честно» от этого симптома страдает. Он приходит к аналитику с парализованной, не действующей рукой – недугом, сильно затрудняющим ему жизнь. Не исключено, что недуг этот что-то значит, что он как-то связан с его фантазией. С другой стороны, он, возможно, позволит субъекту разглядеть какую-то более раннюю свою фиксацию, – но это еще под вопросом. Я говорю, что симптом этот «честный», потому что он причиняет страдание.

Больной неврозом навязчивости приходит весь скрюченный, вот так (Миллер демонстрирует), и заявляет, что он, мол, «на свете всех милее». Все происходит точно по Фрейду – пациент не чувствует страдания от своего симптома, он сжился с этим последним, воплотил его в свою личность настолько хорошо, что тот стал для него источником удовольствия. Навязчивые симптомы доставляют удовольствие. Отчаянность ситуации и состоит как раз в том, что симптом является в глазах субъекта тем самым,

что наиболее достойно в нем восхищения. Это предел, за которым психоаналитическая работа лишается смысла. Об этом мы поговорим завтра, когда Хоан Салинас расскажет нам о «*вариативности*» симптома – термин, соединяющий в себе истину (*veritas*), с одной стороны, и вариативность, многообразие, с другой.

Между симптомом и истиной для Лакана всегда имеется связь. Когда он говорит о симптоме как о самом бытии субъекта, то к субъекту невроза навязчивости это относится в высшей степени. Вплоть до пункта, где идея психоаналитической помощи сама собой отпадает. Могу сказать только одно. Если обсессивный невротик не расстается с тем, что причиняет ему страдание, то ему следует поступить с этой частью так же, как поступает он со всем остальным (в себе), – то есть признать в ней себя, принять ее как принадлежащую ему. Это то, что Лакан называет идентификацией с симптомом, «переплавкой» симптома в удовольствие. Таков еще один выход. Дело тут не столько в том, что симптом представляет собой способ наслаждения, сколько в том, чтобы наслаждение от симптома было сильнее, чем наслаждение от фантазии. Незримое наслаждение обсессивного невротика – это услаждение симптомом.

Тизио: Я хотел бы пояснить здесь, почему симптом невроза навязчивости остался в данном случае в стороне. В тексте о Человеке-Крысе Фрейд в связи с этим говорит о возможности выделения нового типа образования симптомов. Этот новый тип – как раз невроз навязчивости и есть. Начинается он с двух моментов, сопоставляя которые, Фрейд связывает между собой вытеснение навязчивого действия и его отмену.

Ж.-А.Миллер: Разумеется. То же самое Фрейд отмечает еще раз в лекции XXII, где говорит о связи между наслаждением и защитой. Истерики удаются выразить одновременно две противоположные вещи, в то время как в обсессивном неврозе находится время и для того, чтобы нечто соорудить, и для того, чтобы это нечто затем аннулировать. То, что в истерии собрано вместе, в классическом неврозе навязчивости совершается в два, противоположных друг другу, момента. Истерия всегда ухитряется выразить «за» и «против» одновременно, в то время как в обсессивном неврозе сначала возникает «за», вслед за которым строго последует «против».

Л.Д'Анджело: А еще Фрейд отсылает нас к телу. Страдающий неврозом навязчивости, по его словам, «почти полностью отказывается от проявле-

ния своих симптомов на уровне тела, создавая свои симптомы в границах души».

Э.Паскван: Вот еще одно подтверждение сказанному в отношении симптома в обсессивном неврозе – на этот раз из работы «Торможение, симптомы, тревога». В этой работе Фрейд недвусмысленно – мне это место бросилось в глаза – отдает неврозу навязчивости дань благодарности, утверждая, что именно от него многому научился, но в то же время признается, что он по-прежнему составляет для него загадку. Поле этого он как раз и переходит к анализу проблемы распада на два момента и т. д.

В.Паломера: Поводом для всех этих интересных наблюдений послужили Ваши слова, сказанные в связи с истерией, о «честном симптоме». Мне хотелось бы подчеркнуть, что все в том же фрейдовском определении симптома как «компромиссного образования» всегда подразумеваются два момента. С одной стороны, симптом представляет собой «искаженное наслаждение» – так именно и выражается Фрейд – наслаждение, которое предстает как наслаждение замаскированное. Это уровень того, что мы вслед за Лаканом называем «формальной оболочкой симптома». Фрейд пишет об этом так: «Симптом как бы повторяет модальность удовлетворения, полученного в раннем детстве... искаженную порожденной конфликтом цензурой...» Перед нами, таким образом, то измерение симптома, которое являет собой «иным образом» представленное наслаждение. Однако, с другой стороны, – и это имеет первостепенное значение – симптом предстает также как «наслаждение, по-другому испытанное». И потому Фрейд, рассматривая в главе XXIII истерические симптомы, ясно дает понять, что речь идет об удовлетворении уже измененном, уже принявшем, вместо формы удовольствия, форму неудовольствия. Таким образом, в симптоме присутствует оба этих фактора: как замаскированное наслаждение, так и наслаждение, переживаемое по-иному. (Следствие того, что нечто, прежде приносившее удовольствие, теперь приносит, напротив, неудовольствие).

Ж.-А.Миллер: Потому-то Фрейд и писал, что говорит об истерических симптомах лишь потому, что именно они вызывают чувство неудовольствия. Проблема же обсессивных симптомов как раз в том, что они вызывают, наоборот, удовольствие. Все лакановские построения могут быть поняты как попытка представить либидо в качестве нечто такого, что может быть размещено в измерении «означающее-означаемое». В главе XXIII, которой я пока еще не касался, Фрейд сам говорит, что все сказанное им до

сих пор носит характер предварительный, что существует некая преграда, «*Versagung*», вето. Либи́до ускользает, должно возвратиться вновь, но сцепляется на пути с представлениями, принадлежащими системе бессознательного. Направленное к объекту во внешнем мире, либи́до сталкивается с фрустрацией – «дама говорит "нет"» – и ускользает, но не к другой даме, а устремляется к фантазиям, находя, в конечном счете, прибежище в системе бессознательного. Затем, говорит Фрейд, либи́до, регрессируя к представлениям бессознательного, приобретает и свойства этой системы, подчиняясь, иными словами, законам смещения и сгущения, то есть метафоры и метонимии. У либи́до, как мы видим, есть своя судьба, и судьба эта очень похожа на судьбу означаемого. Этот факт и позволяет Лакану перевести все это в термины желания.

Фрейд эту идею более не эксплуатирует. Ему не приходит в голову, что происходящие в сфере сексуальности процессы можно вывести из лингвистических явлений бессознательного. Именно поэтому, я думаю, Лакан, все в той же лекции, называет Фрейда человеком слабым. Быть слабым – значит метаться между крайними точками зрения. В его распоряжении находится достаточное количество данных, чтобы признать, что все сводится к одному-единственному деятельному началу. Однако он этого не делает. Страдая в сексуальном отношении, как утверждает Лакан, неврозом навязчивости, Фрейд, вдобавок, еще и человек слабый, ибо так и не совершает своего выбора. Воспринимайте это *cum grano salis*. Это не значит, что сам Лакан – без изъяна. Думать так, а тем более говорить, не следует никогда. Как мой друг, Орасио Эчехойен (Horacio Etchegoyen), однажды заметил, культ личности здесь не годится. Я ничего ему на это не ответил, так как не понял, честно говоря, что он имел в виду. Симптом в учении Лакана есть, и очень серьезный. Но об этом мы поговорим завтра.

Часть II

Знаменитая – отныне – лекция

Заглянем в текст знаменитой – отныне – лекции XXIII, озаглавленной Фрейдом «Пути формирования симптомов». Я предложил назвать ее: «*Die Bedeutung der Symptome*» в параллель к «*Der Sinn der Symptome*» – заглавию лекции XVII.

Это новое заглавие тем более оправдано, что Фрейд сам в лекции XXIV упоминает, что о *Sinn* и *Bedeutung der Symptome* (симптомов – во множественном числе) он уже рассказывал аудитории прежде. Поскольку предме-

том лекции XVII был *der Sinn*, мне не кажется слишком смелым предположение, что именно лекция XXIII, в первую очередь, дополняет ее в отношении *Bedeutung*. Я уже заявлял об этом вчера, но у меня не было времени перечитать весь предшествующий лекции XXIII текст, чтобы проверить, не используется ли выражение «*Bedeutung der Symptome*» где-нибудь ранее. Лекция XXIII дополняет семантическое измерение симптоматического сообщения, если можно так выразиться, измерением отнесенности, референции. Вопрос здесь стоит об отношении речи к реальности или Реальному – именно эту тему поднимает Лакан в многочисленных формулировках, цитированных сегодня выступавшим передо мною Хоаном Салинасом. Все, что касается схематического аспекта речи (там, где разговор затрагивает эффекты означающего), может организоваться независимо от какого-либо отнесения к реальности. Соотноится речь с реальностью или нет – вот тема, которая поднимается Фрейдом в лекции XXIII.

От «*Holzwege*» Хайдеггера к «*Umwege*» Фрейда

Чтобы двигаться последовательно и в то же время достаточно быстро, я хотел бы прокомментировать первоначальное название лекции и сказать несколько слов о плане и составе этого сочинения. Здесь нам понадобится очень тщательный подход. В немецком издании разделения на части нет. В «*Standard Edition*» и в испанском издании текст делится на части, разделенные интервалом в одну строку, и я не знаю, ввел ли эти интервалы позднее в немецкое издание сам Фрейд, или же это инициатива Стрэчи. Такое деление, отмеченное лишь интервалами в одну строку без подзаголовков и нумерации, сделано весьма толково, и других вариантов я бы предлагать не стал, поскольку оно хорошо соответствует движению мысли Фрейда. Что я предложил бы, так это подзаголовки к каждой из частей. Когда дело касается таких авторов, как Фрейд, да и Лакан тоже, внимание к ходу мысли и общему построению работы – обязательное требование. Только в свете авторского построения и можно правильно оценить значение каждой фразы.

Комментируя заглавие, нужно отметить, что в нем содержатся слова «*Wege*» и «*Bildung*». Начнем со слова «*Wege*» – путь. На память приходит «*Holzwege*» («лесные просеки») Хайдеггера, представляющие собой дороги, которые не ведут никуда. Это просеки, проложенные в лесу дровосеками, которые делают свою работу и уходят назад, так что просеки эти не идут из одного пункта в другой. Что значит идти из одного пункта в дру-

гой? Это действие, о котором можно спросить, достигло оно цели или нет, и как можно добраться быстрее. Дойдя до места назначения, о месте, из которого вышли, можно благополучно забыть. В другом контексте можно было бы указать на связь «*Holzwege*» с измерением бессознательного как таковым: движение из одного пункта в другой представляет собой нечто такое, что измерению бессознательного совершенно чуждо. Говорить о пути аналитического лечения как маршруте, ведущем из одного пункта в другой, – это уже определенная натяжка, хотя высказываться в подобном роде у нас в порядке вещей. Не исключено, что Лакан с помощью своих узлов что-то в этом изменит, и в психоанализе несколькими «*Holzwege*» станет больше.

Возвратимся, однако, к «*Wege*» Фрейда. Вне всякого сомнения, тому или иному пути следует либидо. Для либидо характерна подвижность, что как раз и придает смысл фиксации. Ведь фиксация получает свое значение именно на фоне призвания либидо к движению, той свойственной ему «блудливости», которой объясняется и пластичность частичных влечений (о чем говорится в лекции XXII). Об этом свидетельствует и упоминаемая Фрейдом способность к изменению объекта и замене его другим, и склонность к смещениям, и предрасположенность к нахождению себе заместителей. Один из возможных путей ведет к симптому, другой – к произведению искусства. Клиническое исследование образования симптома выливается в размышление об искусстве. Подводя итог, можно сказать, что либидо может привести к сублимации или к симптоматизации. В данной лекции Фрейд рассматривает симптоматизацию либидо, но это не единственный возможный его путь. Для либидо возможна как бы двойная судьба, две судьбы, которые, с одной стороны, противостоят друг другу, с другой же – могут следовать друг за другом или взаимно сочетаться. Именно на этот вывод Фрейда опирается Лакан, когда в тексте «*О наших предшественниках*» говорит буквально следующее (фраза, из которой я исходил и в докладе, посвященном формальной оболочке симптома): «Верность формальной оболочке симптома привела нас к тому пределу, где она оборачивается эффектами творчества». Само выражение «формальная оболочка симптома» отсылает нас к *Sinn* симптома, указывает на тот означающий механизм, исходя из которого определенные смысловые эффекты и возникают. Механизм и в симптоме, и в произведении искусства, в некотором отношении, является одним и тем же, с единственной разницей: во втором случае имеет место инверсия или, как говорит Лакан, «оборот».

Достигается некий предел, начиная с которого происходит возвращение, отлично проиллюстрированное в тексте Фрейда. Инверсия происходит по мере того, как творец берет под свою ответственность проявляющееся в симптоме желание высказаться, которое остается бессознательным. Он берет его под ответственность, скажем так, своего облеченного решимостью желания, своей воли. С этой точки зрения создание произведения представит чем-то вроде творения искусственного симптома.

На такой позиции Лакан настаивает в своей диссертации по психиатрии, посвященной случаю Эме, и она же много лет спустя приводит его к случаю Джойса. Истоки понятия «*sinthome*» лежат в идеях этой диссертации, промежуточным этапом развития которых и является комментарий 1966 года, посвященный формальной оболочке симптома.

«Wege» и «Umwege»

«*Wege*» Фрейда являются, в какой-то степени, путями возврата либидо. Согласно концепции Фрейда, оно разворачивается во времени. Процесс этот описывается у него как диалектическое взаимодействие между развитием и регрессией, и пути, о которых он говорит, вписываются в эту диалектику. С другой стороны, «*Wege*» Фрейда представляют собой «*Umwege*» – обходные пути, о чем и сам он говорит, как я уже цитировал в лекции XXII: «Обходные пути и есть пути формирования симптомов». Слово «*Umwege*» часто встречается в работах Фрейда, более того – оно присутствует в заглавии одной из его работ.

Прежде всего, *Umwege* существуют потому, что имеет место деформация и размещение либидо в симптоме. Вчера я вкратце отмечал: в конечном счете, упоминавшиеся выше обходные пути являются не чем иным, как метафорами и метонимиями либидо. Здесь неизбежно приходит на память лакановская схема огибающей траектории, описываемой влечением вокруг объекта *a*, – схема, приводимая им в *Семинаре XI*. Поскольку подобную схему я только что нарисовал, остается лишь обозначить «объект *a*» в ее центре. Корни этой схемы как раз и лежат во фрейдовской концепции «*Umwege*», во всяком случае, именно эта схема иллюстрирует ее на своем языке. Для Лакана между рисунком и Реальным существует некая связь – в семинаре, который Салинас здесь комментировал, Лакан так и говорит: «Реальное можно нарисовать».

Коррелятом обходных путей, которыми идут влечения, является постоянство цели, притягивающей к себе либидо. Все эти обходные пути, мета-

форы, метонимии, пластичность лишь еще рельефнее оттеняют неизменность либидинозной цели. Либидо всегда остается тем же. Все его обходные пути направлены на удовлетворение.

Здесь, однако, нужно быть внимательным. То, о чем я далее скажу, не смотря на свою простоту, очень существенно.

Вся фрейдовская теория симптомов в том виде, в каком она развивается во «Введении...», предполагает, что одно удовлетворение может заместить собою другое. Удовлетворение грудью, например, может уступить место замещающему его удовлетворению, скажем, сосанием, а в конечном счете, как утверждает Фрейд, – любви к матери. На первый взгляд, это устанавливает поразительную связь между наслаждением, обусловленным влечением, и любовью к матери. Заметим в скобках, что как раз эту связь и ставит Лакан под сомнение в первой фразе *Семинара XX*, где он замечает, что перейти от наслаждения – к любви, обойдясь, как Фрейд, двумя-тремя фразами, невозможно.

Вся фрейдовская теория предполагает возможность замены одного удовлетворения на другое. Мы можем записать это в следующем виде:

$$\frac{S2}{S1}$$

Первоначальное удовлетворение – S1 заменяется удовлетворением вторичным – S2. Назвав это отношение «либидинозной метафорой», было бы интересно поразмыслить о связи между метафорой отцовской и метафорой либидинозной. S2 в этой формуле соответствует тому, что Фрейд называет новым или замещающим удовлетворением. Это своего рода эрзац удовлетворения. Термин «эрзац», или «заместитель», наводит на мысль, что замещающее не стоит первоначального. Когда мы, не располагая возможностью приобрести подлинные жемчужины, довольствуемся выращенными искусственно, то, конечно, понимаем, что ценятся эти последние значительно ниже, ибо считаются суррогатами. Однако с заместительным удовлетворением дело обстоит иначе. Оно ничем не хуже удовлетворения первоначального. Каким бы ни был объект, либидинозное удовлетворение достигается любой ценой, и как таковое оно всегда то же самое. Это и есть тот простой, но существенный момент, на который я хотел обратить ваше внимание. Наслаждение – оно и есть наслаждение. Ни о каком «кажущемся наслаждении» влечение не знает. Удовлетворение влечения есть нечто Реальное. А вот *Umwege* принадлежит, скорее, к разряду кажущегося.

То, что мы обнаруживаем у Фрейда под названием «*Symptombildung*», отсылает нас к другому выражению Лакана: «образования бессознательного». Термин «образования» восходит непосредственно к фрейдовскому понятию «*Bildung*». Однако Лакан подходит к этому термину со стороны, скорее, *Sinn*, нежели *Bedeutung*, имея в виду образования, идущие от бессознательного. Перед нами не продукты бессознательного, а именно *образования*, которые не отделяются от него, как это произошло бы с продуктами. Лакан делает акцент именно на формальном характере оболочки образований бессознательного, хотя от него не укрывается тот факт, что ключ к образованиям бессознательного нужно искать в сфере влечений. В *Семинаре II* он обнаруживает этот ключ в «Сверх-Я», в других местах эту роль играет у него кастрация – и то, и другое представляют собой два способа обозначить относящуюся к влечениям область. Фрейд говорит об образованиях, которые происходят от либидо.

Разделы лекции XXII

Перейдем теперь к разделам текста лекции, которые я предложил озаглавить. В общей сложности их – восемь.

1. *Бегство либидо*. Либидо в поисках удовлетворения делает первый шаг и наталкивается на преграду – «*Versagung*», вето. Пути симптоматики с этой преграды и начинаются. И в первой, начальной фазе оно бежит от реальности к прошлому – либо вымышленному, фантазийному, либо к более раннему состоянию либидо.

2. *Конституция и переживание*. С этим вопросом мы уже сталкивались. Фрейд пытается выяснить, чем образование симптома обязано конституциональным факторам, а чем – непосредственно пережитому опыту.

3. *Детские сексуальные переживания*. Путь регрессии ведет к первым переживаниям детства. О них я скажу позже.

4. *Удовлетворение, найденное в симптоме*. Феноменологию симптома Фрейд противопоставляет его истине: если первая предполагает наличие страдания, то во второй кроется либидинозное удовлетворение, доставляемое субъекту симптомом. Данный раздел обосновывает лакановское понятие *наслаждения*, поскольку в нем говорится об удовлетворении, которое с удовольствием не совпадает. Истерический симптом, принося удовлетворение, переживается при этом в форме неудовольствия, что и оправдывает введение нового термина, которым эта связь удовлетворения и неудовольствия могла бы быть обозначена, – таким термином и стало лакановское

«наслаждение» (*jouissance*). Понятие это, на первый взгляд, несколько загадочно. Я до сих пор помню, как еще давно, во время одной из моих поездок в Соединенные Штаты, президент Американской ассоциации психоанализа настойчиво меня расспрашивал: «Г-н Миллер, мол, нам сейчас объяснит, что такое "наслаждение" у Лакана». Я помню, что ответил тогда: «Нет, я вам этого объяснять не стану», – потому что они к тому времени уже успели замучить меня своими вопросами. Но я вполне мог бы ответить ему и иначе: «Очень просто: прочтите две страницы четвертого раздела Лекции XXIII».

Следующие три раздела посвящены фантазии:

5. *Фантазия и реальность.*
6. *Первичные фантазии.*
7. *«Bedeutung» симптома, фиксация.*

Последний, 8-й раздел можно, следуя его теме, озаглавить так: *Творчество и искусство как инверсия симптоматического пути.*

Разделы 5, 6 и 7 посвящены прошлому. Либи́до возвращается к прошлому определенным путем, на котором и создается симптом. Прошлое это, на самом деле, носит характер фантазии, что и приводит Фрейда к убеждению в наличии психической реальности. Четвертый раздел получает здесь смысл, ибо, как утверждает Фрейд, «удовлетворение реально». Прошлое может быть и фантазией, но удовлетворение – оно реально. Мне кажется, что здесь уже намечена противоположность между реальным удовлетворением и фантазиями прошлого. По-моему, никакой натяжки в этом не будет.

В части 8 происходит возврат к реальности, так как художник создает произведения, которые располагаются в этой реальности. Этот последний путь ведет от реальности психической к реальности внешней. Это уже почти переход от симптома к фантазии – с выходом по ту сторону фантазии – и возврат к внешней реальности.

Виды наслаждения и их цели

Лекция XXIII представляет собой исследование видов наслаждения. Определение, которое Фрейд дает симптому, состоит в том, что, несмотря на феноменологию страдания, это не что иное, как разновидность либидинозного удовлетворения. Именно это отмечает Лакан, когда говорит в «*Телевидении*», что субъект всегда счастлив. Фрейд пытается показать, каким именно образом субъект всегда счастлив; он допускает, что счастье это

может быть, так сказать, – спародировав заглавие одной из новелл Барбэ д'Оревилли, «Счастье в преступлении», – счастьем в страдании. Таков бесчеловечный аспект психоанализа: страдающий субъект обращается к аналитику с жалобой, а тот отвечает ему, что, в сущности, мол, «все идет хорошо». Разумеется, это не единственный его аспект. Речь не идет о том, чтобы, так сказать, благословлять субъекта на страдание, говоря ему: «Ты в своем страдании находишь счастье». Единственный смысл исцеления заключается в уменьшении цены страдания, которую приходится платить за доступ к удовлетворению влечения, чтобы удовлетворение это не доставалось слишком уж дорогой ценой. В подобном случае позиция аналитика выглядит несколько гуманнее.

Самое главное, однако, – в том, что на этом уровне конфликт отсутствует. Да, есть страдание, но конфликта как такового нет. Конфликт, это столь важное для Фрейда понятие, представляет собой теоретическую конструкцию, которая позволяет утверждать, что либидинозное удовлетворение вступает в конфликт с другим элементом, с другой инстанцией, вынуждающей либидо изменить направление. Фрейд не однажды пытается эту инстанцию определить. Поначалу она предстает у него как внешняя реальность. Во «Введении...», однако, он утверждает, что это *Я*, его законы и свойственные ему влечения, – ибо для противостояния влечениям ему необходим элемент, который и сам имел бы характер влечения. Несколько позже Фрейд вновь видоизменяет свою теорию (перед нами, в некотором роде, как раз и есть истина, «*varité*», истина, которая изменяется) – теперь это уже не *Я*, а *Сверх-Я* и влечение к смерти. Однако в сопоставлении с тем Реальным, что имеет место в удовлетворении, все это построение сводится, похоже, к простой кажимости. Если в Реальном удовлетворения сомневаться не приходится, то теоретическая модель конфликта весьма сомнительна.

Именно здесь и приобретает свое значение термин «вид» или «разновидность», которым мы пользуемся, когда говорим о виде наслаждения или разновидности удовлетворения, или когда Фрейд говорит об «*eine neue Art der Libidobefriedigung*», новой разновидности либидинозного удовлетворения. Тем самым вводится идея средства, метода, устройства, приспособления – более или менее искусственного, по сравнению с Реальным удовлетворения. Искусственность средства ярко проявляется, например, в извращениях, где она выступает в реальности на поверхность. В извращении симптом приобретает характер спектакля, где искусственный элемент

становится частью самого приема. Именно на это обращает внимание Лакан, говоря о Жане Женэ: вынося различные извращения на сцену, тот всегда подчеркивал искусственный характер приема, который используется, чтобы получить наслаждение. Это бросается в глаза, например, в приеме мазохиста, где пресловутая абсолютная власть над субъектом, которой пользуется Другой, в конечном итоге, является искусственной затеей того же самого субъекта. Связь между кажимостью и наслаждением является, таким образом, принципиальной. Вместе с тем искусственный характер извращения – начало, роднящее его с искусством.

Посмотрим теперь, каковы последствия всего этого.

Бесконфликтная клиника

Конфликт является для Фрейда чем-то настолько существенным, что сам симптом определяется как компромиссное образование двух противостоящих сил. Противостояние удовольствия и реальности, о котором у него идет речь, было понято как противостояние удовольствия и внешней реальности, в итоге чего и возникла концепция анализа как практики образовательной и педагогической. Не случайно тратит Лакан столько времени на полемику с педагогической концепцией психоанализа, пытаясь с корнем вырвать из психоанализа педагогическое начало. Дело в том, что к его времени педагогика уже успела тем или иным способом заразить психоаналитический дискурс изнутри.

Мне кажется, что в определенный момент развития учения Лакана – тот самый, которым повестка дня этого семинара и вдохновляется, – он ставит задачу научиться мыслить симптом без конфликта: снять, несмотря на страдания, перспективу конфликта и отвести привилегированное место Реальному удовлетворения.

Клиника узлов – клиника бесконфликтная. Единственный конфликт состоит в том, что в связи со страданием, которое эта операция вызывает и на которое сам Лакан порою указывает, нам не удастся делать те узлы, которые хотелось бы. Тем не менее, тайное новшество этой клинической практики, – которое я и пытаюсь сейчас сделать явным, – состоит в ее бесконфликтности. Эта клиника связывания, а не противостояния, клиника мер, которые допускают удовлетворение и ведут к наслаждению. Да, трудность есть, но конфликта нет. Сама структура узлов такова, что не позволяет возникнуть измерению конфликта.

Конечно, Лакан пользовался и конфликтными клиническими моделями. Так, он начал с противопоставления Символического и Воображаемого. Позднее он отдал предпочтение клинике, где противостояли друг другу Символическое и Реальное. Возьмите само понятие объекта *a* – объекта, который сопротивляется Символическому, с Символическим не стыкуется. Налицо противопоставление Символического и объекта *a*, и это тоже клиника конфликта.

Что же касается узлов, то никакого противопоставления нет, напротив, все измерения становятся солидарны. Есть лишь «*Mitsein*», сосуществование всех колец. Вот почему облик «борромеева узла» доставляет эстетическое удовлетворение – не случайно Лакан обнаружил его не в учебниках по математике, а в гербе семьи Борромеев. Это действительно красивая фигура – распространенный элемент орнамента в искусстве Ислама, который часто используется в эстетических целях. Мы наслаждаемся ею. Эти сделанные для постижения симптома рисунки легко превращаются в своего рода произведения искусства. Афиша нашей конференции хорошо демонстрирует это.

В такого рода клинике речь идет, следовательно, не о разрешении конфликта, как то было у Фрейда, а о поиске какого-то нового способа устроить все так, чтобы субъект смог функционировать. Я не утверждаю, что этот подход единственно правильный, но Лаканом была сделана попытка *Bildung*'а, попытка сформировать аналитиков, которые разделяли бы именно такой подход к симптому.

Новый способ удовлетворить влечение

Вернемся к Фрейду в тот момент, когда он говорит о *Neue Art*, о новой разновидности.

Термин «новый» – спорен. Сам Фрейд говорит «новый, или заместительный», потому что в симптоме нет ничего нового, потому что это не изобретение, а скорее возвращение к прежнему. Во фрейдовском симптоме всегда есть нечто ветхое, ибо он представляет собою факт повторения. В данном случае Фрейд прослеживает переносы либидо. Тема, выбранная для нашей конференции, тема «Симптом и перенос», законна постольку, поскольку либидо обладает потенциальной способностью к переносу и постольку аналитик выступает в качестве объекта, способного связать этот потенциал, чтобы дать возможность по-иному его организовать и распределить.

Сам анализ тоже может предстать в качестве новой разновидности либидинозного удовлетворения, «*eine neue Art der Libidobefriedigung*». Вся проблематика окончания анализа как раз и связана для Лакана с необходимостью рассматривать анализ как новую разновидность удовлетворения и как способ это измерение преодолеть. В анализе имеет место как бы искусственный симптом, соответствующий тому, что придумал Фрейд. С этой точки зрения, понятным становится и значение вопроса, поднятого Лаканом в отношении желания: почему анализ не смог изобрести нового извращения? Этот забавный и знаменитый вопрос свидетельствует о том, что и сам анализ может в перспективе предстать в качестве разновидности искусственного удовлетворения, родственного симптому в том виде, в каком его описал Фрейд.

Время и симптом

Фрейд изучает симптом в его временном измерении, в терминах развития и регрессии. Для него либидо обладает прошлым и чуть ли не памятью. Но уже в этой самой лекции он видит, что не может придерживаться временной перспективы, а должен перейти к исторической. Все вопросы, о которых выступавшая здесь г-жа Касальприм только что нам напомнила, свидетельствуют о том, что Фрейд уже не способен был уйти от парадоксов исторического измерения, лежащих по ту сторону временного. Лакан описал это измерение в работе «*Функция и поле речи и языка*», описал наряду с противоположностью точности и истины, и открытыми благодаря случаю Человека-Волка эффектами воздействия задним числом.

Так, в третьем разделе Фрейд задается вопросом о том, имеют ли переживания ребенка какое-то значение, и если да, то были ли они значимы непосредственно в тот момент, когда имели место в его жизни, или же значение это приобретает ими в результате регрессии – так сказать, задним числом (сам Фрейд этого выражения не употребляет).

Решение ясно: эти переживания имели значение тогда, когда они имели место. В доказательство Фрейд ссылается на существование детских неврозов и на факт наблюдаемой порою преемственности между детским неврозом и неврозом взрослого. В то же время, он отмечает один нюанс: у некоторых невротиков более заметную роль играют детские переживания, у других – позднейшие конфликты, у всех по-разному. Чтобы подтвердить это, можно сослаться на преемственность, наблюдаемую в случаях перверсии, где аутентичность детского переживания, переживания случайного,

которое тем не менее представляется источником извращения у взрослого, может быть надежно удостоверена благодаря полностью прослеживаемой преемственности. Но Фрейд утверждает: если либидо регрессирует, то это значит, что нечто оказывает на него притягательное воздействие. Это он и называет «фиксацией».

На этот счет колебаний он не знает. Если регрессия либидо налицо, необходимо предположить существование чего-то, что его привлекает – там скрывается некое прибавочное наслаждение. Уже во вторую очередь возникает и вопрос о том, является ли это привлекающее начало травматическим или фантазийным, но само существование его ни в том, ни в другом случае под сомнение не ставится.

В разделе 4-м эту тему мы вчера уже поднимали: Фрейд обрисовывает наслаждение симптомом, это тайное наслаждение, как нечто чуждое, внушающее чувство «*Befremdung*», не имеющее в себе ничего знакомого или узнаваемого. Наслаждение это остается не признанным. Фрейд говорит здесь о расширенном аутоэротизме симптома, который представляет собой модификацию самого бытия субъекта, а порой даже и его тела. Позже я еще вернусь к этой теме, ибо она побудила Висенте Паломера выбрать ее для семинара. В конце 4-го раздела Фрейд указывает на особое сжатие либидо, которое можно здесь наблюдать, а впоследствии – на особую функцию одной маленькой, но достаточно важной детали, чтобы либидо пробудить. Судя по записям, которые Лусия не могла вчера зачитать, она обнаружила, что в этом разделе содержится в зачатке понятие объекта *a*. Вы можете сами проверить, так ли это.

Вернемся теперь к фантазии, в связи с которой, как уже указывала г-жа Касальприм, встает вопрос об истине (Лакан также поднимает этот вопрос в своем Семинаре). Фрейд настаивает здесь на том, что нечто имело место в прошлом в форме травматического события или фантазии. Вот почему я не думаю, что между разделами 3 и 5 имеется какое-то противоречие. Для Фрейда имеет значение то, что происходило в детстве. Реальные события или фантазии получили свое значение в тот самый момент, когда они имели место. Существует несколько разновидностей Реальности, и Фрейд, наряду с реальностью внешней, вводит и реальность психическую. Сам смысл реальности меняется, так что разница между событиями и фантазиями теряет свое значение.

Именно это и приводит Лакана к выводу, что «своими фантазиями всегда наслаждаются». Психическая реальность представляет собой решаю-

щий фактор, утверждает Фрейд. Что касается Лакана, то в придании психической реальности привилегированного значения, сравнительно с реальностью внешней, он делает еще один шаг, рассматривая в аналитическом дискурсе внешнюю реальность как чисто фантазийную.

Подобный подход заставляет переосмыслить различие между принципом реальности и принципом удовольствия. В обычном понимании конфликт разворачивается между внутренним и внешним: автономное, автоматическое удовольствие психического аппарата – против требований внешней реальности. И, напротив, если придать психической реальности привилегированное значение, разница между этими двумя началами окажется чисто внутренней. Во второй половине 60-х годов Лакан выскажет утверждение, что аналитический дискурс имеет дело с реальностью, взятой под одним-единственным углом (мысль просто невероятная, учитывая точку зрения Фрейда), в то время как другие дискурсы заставляют реальность блуждать, разделяя ее по нескольким разновидностям. Учитывая, что реальность «внутренняя» является не только важнейшей, но и единственной, фантазии доставляют наслаждение большее, нежели существа, окружающие нас во внешнем мире.

С этой точки зрения, Фрейд проявляет слабость, когда придает такое значение вопросу о точности. Слабость эта объясняется тем, что он блуждает между реальностью внешней и реальностью психической, и в ней же, в этой слабости, и состоит его симптом.

Симптом Лакана

Я уже говорил вам, что был свой симптом и у Лакана, и он сам на него указал. Дело касается как раз предшествующего пункта. Акцентируя однозначность реальности, он приходит к Реальному, которое лишено смысла. Лакан возвестил миру об инстанции Реального, лишённого смысла. Эта благая весть состоит в радикальном отделении Реального от смысла. Идея – странная и вызывающая отчуждение, *Befremdung*, настолько сильное, что Лакан и сам признает: «эта идея Реального есть, возможно, не что иное, как мой симптом». В каком-то смысле о нем нельзя высказать ничего истинного. Сам термин «Реальное» – парадоксален. Трудно сказать: «Реальное» – просто потому, что это выражение уже имеет какой-то смысл. Симптом Лакана, возможно, очень интересен, ибо предполагает, что когда о нем что-то говорят, то говорят непременно ложь. И это позволяет нам слышать присутствующий в каждой истории некоторый элемент лжи.

Реальное лжет

Не следует забывать, что речь идет о путях формирования истерических симптомов. В симптомах невроза навязчивых состояний элемент лживости замаскирован гораздо лучше, благодаря феноменологии удовлетворения, которая от этого симптома неотделима. Можно сказать, таким образом, что Реальное заставляет людей лгать, или, в пределе, что Реальное лжет. Именно в этом смысле статус симптома становится для Лакана, в итоге, проблематичным. Хоан Салинас напомнил нам об утверждении Лакана, что симптом относится к разряду Реального, и это звучит парадоксально, ибо согласно Фрейду (см. лекцию XVII) симптом имеет смысл, *Sinn*. Каким образом можно в то же самое время заявлять, что он смысла не имеет? Получается тогда, что это единственная частица Реального, у которой смысл все-таки есть.

Здесь у Лакана налицо какие-то колебания, точнее, он, как признает и сам, ходит по кругу. Нет, он не просто рисует петли и кольца, он ходит по кругу. С одной стороны, он предлагает уравнение: наслаждение (*jouissance*) равняется истине или смыслу (*sens*). Это и есть тот «сладостный смысл» (*joui-sens, sens-joui*), о котором говорил в своем выступлении Мигель Бассоль. Порой, тем не менее, Лакан полностью обособляет наслаждение в качестве Реального, и тогда говорить осмысленно можно лишь о темном, непроницаемом наслаждении симптомом, наслаждении вне и помимо всякого смысла. Вместо решения этого вопроса мы не находим у Лакана ничего, кроме изтины (*varité*). Кроме тех **изменчивых истин**, которые он высказывает, когда ему случается проникнуть в эту зону, он не оставил нам никакого догматического и законченного учения – ничего, кроме обширного поля исследований, предоставляющего место для всевозможных вопросов, дискуссий и построений:

1. Исходя из Символического, анализ работает над Реальным симптомом – в той мере, в которой симптом имеет смысл.
2. Если Реальное и симптом полностью отдалены друг от друга и друг друга исключают, психоанализ представляет собой просто-напросто мошеннический трюк.
3. Возможно ли, и как, пользуясь эффектами смысла, *Sinn*, воздействовать на наслаждение, всякого смысла лишённое?
4. Не исключено, что существует реальный эффект смысла.

Работая с этими узлами, он пытается найти какие-то сочетания, которые позволили бы приблизить решение проблемы. Не думаю, что для него этот вопрос был решен окончательно. Не исключено, что решение кроется в самих изменениях и вариациях, в узлах, которые демонстрировал Лакан на аудиторной доске, в его все более безмолвных манипуляциях с лишенным смысла Реальным. Узлы эти являются, конечно же, парадигматическим примером лишённого смысла Реального, и потому всякий раз, когда Лакан присваивал одному из колец то или иное наименование, он давал понять, что это своего рода натяжка.

Структурное решение

Вернемся к Фрейду. В разделе 3 он предлагает нам одну схему. Замечу лишь, что в свете раздела 6 в нее, очевидно, нужно ввести небольшое изменение: место «детских переживаний» должны в ней занять «первоначальные фантазии».

Многообразие фантазий Фрейд сводит к трем главным видам: наблюдение полового акта, совращение взрослым и кастрация. Точно так же поступает он в примечаниях к случаю Человека-Волка. Позднее, однако, в примечании к «Трем очеркам...», датированном 1920 годом, он замечает, что сюда можно включить и всю фантазмагорию Эдипова комплекса, причем подчеркивает, что фантазии эти носят характер необходимый, «*notwendig*», предпочитая это слово термину «*Bedurfnis*», означающему необходимость в смысле нужды, потребности. Филогенетическое объяснение существования этих фантазий сводится у него к ссылке на доисторическое. Позволю себе процитировать: «Ребенок, который предается фантазиям, просто-напросто заполняет лакуны истины индивидуальной истиной доисторической». Да и сам Фрейд испытывает необходимость выйти из исторического измерения, что он и делает в «Тотеме и табу».

Там, где Фрейд призывает на помощь доисторическое, Лакан находит решение в структуре. Когда Фрейд апеллирует к кристаллизации переживаний, которые, как он утверждает, мы непосредственно познать не в силах, Лакан предлагает чудесное решение, ссылаясь на структуру, – в основе для него лежат факты структуры.

Это прекрасно согласуется с тем различием, которое Лакан производит между Эдиповым комплексом и комплексом кастрации: Эдипов комплекс рассматривается им как Воображаемая оболочка комплекса кастрации. Фрейд и сам заявляет, что источником всего этого является область

влечений, что и позволяет ему установить связь между кастрацией и тем, что относится к влечениям. И это как раз то самое, что надписывает Лакан над верхней линией графа желания, – связь между наслаждением и кастрацией. Кастрацию (-ф) необходимо возвести к наслаждению как таковому.

В конечном итоге, здесь важно продумать связь между языком, с одной стороны, и телом, с другой. У Лакана это оборачивается пленением тела в структуре. Результат – двоякий: с одной стороны (-ф), то есть структура подвергает наслаждение кастрации и возникает пустыня (*desert = des être*), небытие наслаждения, с другой, обнаруживается некий избыток, маленькое *a*.

Проблема аутоэротизма

Чтобы закончить, вернемся к вопросу об аутоэротизме. Это единственный вопрос, в отношении которого Лакан выражает свое несогласие с Фрейдом, что очень забавно, так как тем самым предполагается, что все остальное, все построения, которые восходят у него, – как я, с некоторой натяжкой, предположил, – к лекции XXIII, духу Фрейда вполне соответствуют. Переход от доисторического к структурному – это в духе Фрейда. Движение от решающей роли психической реальности к полному ее господству – тоже в духе Фрейда. Разногласие возникает в вопросе об аутоэротизме. Фрейд ссылается на него, когда указывает, что либидо ищет и находит свои объекты в теле самого субъекта. Далее он вновь говорит, что сексуальные влечения удовлетворяются аутоэротическим образом с помощью собственного тела. При этом он предлагает следующую историю орального влечения: «Первым объектом оральных составляющих сексуального влечения является материнская грудь. В действии сосания эротические составляющие становятся автономными, объект оставляется и заменяется частью собственного тела. Оральное влечение становится аутоэротическим, как являются таковыми с самого начала анальные и другие эрогенные влечения (...). Дальнейшее развитие имеет две цели: во-первых, отказ от аутоэротизма, и, во-вторых, объединение различных объектов частных влечений с заменой их единым объектом».

Затем является мать – в роли первого объекта любви. Я уже отмечал, что переход от связанного с влечениями либидо к любви происходит у Фрейда в этом тексте сразу, одним махом.

Есть, однако, и у самого Фрейда все детали, позволяющие заключить, что объединение так и не достигнуто, что частичное сохраняется. Сам

Фрейд замечает и подчеркивает в сексуальности ее принципиально перверсную сторону. Исходя из этого, Лакан в *Семинаре XX* утверждает, что само по себе наслаждение не сексуально, если подразумевать под «сексуальным» отношения с другим полом. Можно было бы предположить в связи с этим, что Лакан имеет здесь в виду желание аутоэротическое, но сам Лакан предпочитает термин «аутистическое», поскольку оно не отсылает нас к противоположному полу. «Наслаждение телом Другого (= тела Другого) не является знаком любви», – гласит первая фраза *Семинара XX*. Что это значит, если не то, что наслаждение телом Другого всегда является извращенным, частичным? В конечном счете, наслаждаются всегда кусочками. Наслаждение телом Другого не делает Другого доступным, только любовь способна дать к нему доступ. Это полная противоположность тому, что говорит Фрейд: у Лакана между наслаждением и любовью стоит преграда, и ни о какой преемственности речи нет.

Почему же Лакан отвергает понятие «аутоэротическое»? Опираясь на Фрейда же: потому что либидо сосредоточивается на объекте утраченном. Каждый раз, когда наслаждение налицо, оно налицо в позиции, которую мы назвали «экстимной», то есть в качестве объекта *a*. В любом наслаждении обязательно есть что-то от «*unheimlich*». Эта принципиально свойственная наслаждению «*Unheimlichkeit*» хорошо заметна в случае маленького Ганса, на который ссылается, вслед за Лаканом, Висенте Паломера. На первый взгляд, мастурбационная связь с генитальным объектом представляется типичной моделью аутоэротизма. На самом деле это не так. Наоборот, пенис как носитель наслаждения есть нечто чуждое, «внетелесное».

Термин «экстимность» обращает наше внимание на оба аспекта наслаждения. Его появление всегда травматично. Именно это в какой-то мере проливает свет на тайну постоянства травмы, отмеченную мною в тексте Фрейда.

К чему отсылает симптом

Переходим к седьмому разделу – «*Die Bedeutung der Symptome*». В конечном итоге, по ту сторону всевозможных историй о соблазнении, кастрации, половом акте Фрейд пытается разглядеть в симптоме не что иное, как наслаждение. Для Фрейда в любой фантазии всегда есть Реальная сердцевина. Наряду со ссылками на принцип удовольствия и принцип реальности упоминает он и тот, наперекор им идущий факт, который заключается в сохранении некоего остатка наслаждения. Фрейд именует его

«фиксацией», подчеркивая, что этот остаток не повинуется требованиям ни принципа реальности, ни принципа удовольствия с его стремлением к ослаблению напряжения. Тем самым Фрейд, в итоге, сумел разглядеть в самом сердце психического нечто Реальное, скрывающееся в фантазии.

Фрейд говорит, что остается один заповедный пункт, который не удовлетворяет ни требованиям внешней реальности, ни требованиям реальности внутренней, ибо тому снятию напряжения, которое принципом удовольствия подразумевается, он никак не содействует. Пункт этот пребывает нетронутым как память о травме наслаждения. Фрейд находит для него поразительное сравнение, уподобляя его заповедной зоне: «Создание в душе царства фантазии находит свое точное соответствие в создании охранных зон, природных заповедников, которые устраиваются там, где требования сельского хозяйства, коммерции и промышленности грозят жестоко, до неузнаваемости исказить природу местности». Заповедник сохраняет природу в том первоначальном состоянии, которое во всех остальных местах было принесено в жертву объективной необходимости. В этом удивительном описании природного «анклава» мы и находим, пожалуй, то самое, что доказывает законность примененного однажды Лаканом термина «экстимность».

Демонстрируя выигрыш в удовольствии, «*Lustgewinn*», Фрейд различает две регрессии – регрессию к фантазии и, по ту ее сторону, регрессию к фиксации. Представить это можно с помощью схемы, исходным моментом которой выступает V2 – «*Verdrängung*», и вето. Отсюда берет начало регрессия к фантазии. По ту ее сторону – регрессия к фиксации. Когда Лакан говорил о фантазии как фундаментальном экране Реального, он имел в виду именно этот путь. Понятие «перешагивание через фантазию» выражает идею, согласно которой возможно с помощью анализа проделать этот путь в обратном направлении, чтобы извлечь свое Реальное из фантазии. Должен отметить, кстати, что первую регрессию Фрейд называет «интroversией», а термин «невроз» приберегает исключительно для второй. Я подчеркиваю, что в тексте этом он говорит о фиксации вытесненной, «*verdrängt*». Это значит, что, по крайней мере, здесь он бессознательное и влечение связывает, не придавая, однако, этой связи доктринального значения.

Экстравертирование фантазии

В последнем разделе Фрейд настаивает на способности художника обращаться к своим фантазиям. Именно интроверту удастся экстравертировать, вывести наружу свои фантазии, придав им форму (Фрейд использует здесь именно глагол «*formen*», а не «*bilden*»). Художник, – говорит Фрейд, – создает верную копию тех представлений, в которых ему являются его фантазии. Результатом становится «*Lustgewinn*», столь мощный, что вытеснения на какое-то время оказываются отменены.

Не достаёт времени для того, чтобы прокомментировать другие детали, но по пункту, выделенному Хоаном Салинасом, я хочу предложить своего рода маленькое, но спорное заключение.

Между тревогой и ложью

1. Симптом как *изтина* (*varité*). Речь идет не о том, что говорят о симптоме, а о том, что симптом представляет собой сам. Точнее, речь идет одновременно и о симптоме, и о том, что о нем говорят, потому что в психоанализе различие между тем и другим исчезает. Так, симптом может явиться в качестве повторяющегося высказывания о Реальном. В таком случае сам симптом есть ложь. Не только то, что говорится о нем, – ложь, но и сам симптом представляет собой ложь. Разумеется, лжет он лишь потому, что пытается высказать истину. Это ложь структурная. Субъект не может отреагировать на Реальное, не сделав из него симптома. Симптом – это ответ субъекта на травму Реального. В этом его отличие от арагоновской «лжи взаправду», которая сродни произведению искусства. Если субъекту симптом приносит страдание, то художник умеет симптоматический ответ Реальному обратить в игру.

2. Изменчивость, разнообразие (*variété*) истины (*vérité*) с помощью метафоры S1-S2 и эффектов смысла постичь нетрудно. Это ведь и есть схема возникновения «задним числом». Переменный характер истины предполагает, однако, наличие у симптома символического статуса. Отнести симптом к разряду Реального – значит понять этот термин одновременно как «фантазию» и как «фиксацию». Можно сказать, что лакановский термин «*sinthome*» на эту связь между фантазией и фиксацией как раз и указывает.

3. Симптом как Реальное. Предлагая такую формулировку, Лакан делает это в контексте, где им проводится очень тонкое различие между двумя модусами, в которых выступает для нас Реальное, – это символически Реальное и реально Символическое. Я говорю об этом не ради дальнейшего

объяснения, я просто хочу оставить открытым вопрос, над которым предстоит нам подумать на будущей встрече в Мадриде.

Символически Реальное – это присутствие Реального в Символическом. И Лакан говорит: «Это тревога». Реально Символическое – это, напротив, Символическое, присутствующее в Реальном. И «это – ложь», поскольку Реальное в данном случае целиком и полностью отделено от смысла.

Когда Лакан утверждает, что симптом – это Реальное, о какой именно схеме идет речь? О тревоге или о лжи? В каком-то смысле симптом как раз и располагается между тревогой и ложью, то есть между чем-то, что лжет, и чем-то другим, что, напротив, обмануть не способно, – таково определение, которое дал некогда Лакан тревоге. Имеется, таким образом, нечто такое, что циркулирует между тем, что обманывает всегда, и тем, что не обманывает никогда. Лакан, однако, выдвигая симптом как то единственное, что сохраняет в Реальном смысл, помещает его, скорее, на сторону лжи. Симптом лжет, тревога же – никогда.

Я не думаю, что в этом состоит последнее слово. Просто наше представление о Реальном становится гораздо сложнее. В дальнейшем мы к этой теме еще вернемся.

*Перевод с франц. – А.Черноглазова,
науч. ред. – В.Цапкина*